

Вырезка из газеты
БЕЗБОЖНИК

от ... 30 МАРТА 1934 г.

Москва

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ КОМПОЗИТОР

В 60-х годах прошлого века в России выдвинулось немало замечательных борцов за освобождение народа от ига крепостничества и папризма. Достаточно вспомнить имена Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Некрасова, Салтыкова-Щедрина. В ногу с демократической русской литературой шли живопись и музыка. Демократические идеи объединяли лучших художников (Репина, Перова, позднее — Сурикова) и музыкантов той поры с демократами — просветителями и с писателями. Народ, его жизнь, страдания и борьба — вот главная тема и стихотворений Некрасова, и картин Репина и музыки Мусоргского.

Среди композиторов шестидесятых и семидесятых годов Мусоргский был наиболее демократичен. Он принадлежал к группе замечательных композиторов (Балакирев, Бородин, Мусоргский, Римский-Корсаков и Кюи), борцов за национальную русскую музыку. Именно ему удалось довершить начатую Глинкой и продолженную Даргомыжским борьбу за русскую народную оперу, за русский реалистический романс, создать изумительные образцы музыкальной драмы, главный герой которой — русский народ.

В операх Мусоргского «Борис Годунов» и «Хованщина» впервые в истории мировой музыки народ выступил не как фон для «героев», а как живая, мощная историческая сила.

Опера «Борис Годунов» — величайшее творение Мусоргского, одна из самых блистательных вершин музыкального искусства. В трагедии Пушкина композитор нашел благодатный материал для первой подлинно народной музыкальной драмы. Мысль о народе как движущей силе истории, явственно выраженная Пушкиным, была гениально воплощена Мусоргским в музыке и при этом развита, углублена.

Постепенно нарастающее возмущение народа против царя Бориса доходит до восстания, изображенного Мусоргским в последней сцене оперы — сцене под Кромами, которой у Пушкина нет. Она не противоречит духу трагедии, но, напротив, с изумительной силой раскрывает ее главную идею.

Во второй опере, «Хованщина», Мусоргский еще больше выдвинул на первый план народные массы. Он сам назвал ее «народной музыкальной драмой». В «Хованщине» изображено начало царствования Петра I — время ломки, которая начиналась в России. Изобразив в «Хованщине» стрелецкий бунт и раскольничье движение, Мусоргский показал историческую обреченность старого, феодального мира и неизбежное торжество того нового, что нес России Петр I.

Мусоргский видел порабощение народа эксплуататорами, глубоко сочувствовал угнетенным и твердо верил, что час освобождения настанет. К темным силам, угнетавшим народ, Мусоргский правильно причислял церковь и религию.

В образах монахов Варлаама и Мисаила («Борис Годунов») Мусоргский вслед за Пушкиным показал монашеский паразитизм. У него есть превосходный романс «Семинарист», где ярко изображен другой вид церковного оглушения человека (слова романса Мусоргский написал сам).

В этом романсе Мусоргский впервые в русской музыке применил распространенный в народе прием пародии (передразнивания) на церковную службу: для комической характеристики семинариста он использовал интонации богослужебных песнопений. Таким же образом он охарактеризовал пьяных монахов в «Борисе Го-

К 60-летию со дня смерти Модеста Петровича Мусоргского

дунове» и поповича в опере «Сорочинская ярмарка».

В числе отрывков из этой незаконченной оперы есть совершенно отделанная сцена свидания поповича с разбитной крестьянкой Хиврей. Хивря угощает поповича, он с жалостью поедает все и жалуется на худые времена: на то, что прихожане стали мало платить его отцу-попу, который собрал за весь пост «сущую безделицу: мешков пятнадцать ярового, проса мешка четыре, да кур, если сосчитать, то не будет и пятидесяти штук».

Особенно глубоко поставил Мусоргский вопрос о религии в «Хованщине». В его времена некоторые демократические дея-

тели ошибочно видели в стрелецких бунтах и в связанном с ними сектантстве выражение революционной борьбы народа. Мусоргский в своей опере не прославлял раскольников, а осуждал их. Образы сектантов у него сложны, многосторонни. Вот вождь раскольников Досифей. Он очень умен, но он — защитник отжившего, дикости, патриархальщины; под его рясой скрывается хитрый политик, стремящийся воспользоваться темнотой и фанатизмом расколичных масс для воскрешения отживающей старины. Молодая расколичница Марфа не может и не хочет сдерживать в себе «греховной» любви к Андрею Хованскому, сыну руководителя заговора против Петра I; силы жизни еще не совсем задавлены в ней, перед ее любовью отступает расколичья проповедь. Изувество этой проповеди Мусоргский показал в образе Сусанны, преследующей Марфу за ее любовь.

Последняя сцена оперы — самосожжение раскольников — воспринимается как символическая картина конца косной старины.

Мусоргский показывает религию в «Хованщине» как реакционную силу, уродующую людей, ослепляющую народ. В этом — глубокое антирелигиозное значение его оперы.

Недаром на этого новатора ополчились не только музыкальные «староверы», но и царская цензура, а также попы. Его оперу «Борис Годунов» на казенной сцене извратили, а потом и вовсе перестали ставить. Некоторые произведения Мусоргского были запрещены, например, романс «Семинарист». Мусоргский писал по этому поводу своему другу, музыкальному критику В. Стасову:

«Блудный» мой сын... не пропущен в продажу вследствие заключительных слов семинариста, что ему «от беса искушение довелось принять во храме божием». Сами посудите, что тут предосудительного? Чуть не каждый день попы перед престолом всевышнего избивают дяконов (и наоборот) крестами, священной чашею и, «одухотворяясь», беззастенчиво везают один другому в «волосное». Это ли не «беса искушение?».

Мусоргский не мог существовать на творческий заработок. Он, гениальный композитор, был вынужден поступить на чиновничью службу и эту ламку таянул до самой смерти. Умер он 60 лет назад, 28 марта 1881 года, на пороге сорок третьего года жизни.

В 1873 году Мусоргский писал: «Нам скажут: вы попрали законы божеские и человеческие!». Мы ответим: «Да!» и подумаем: «То ли еще будет!». Про нас прокаркают: «Вы будете забыты скоро и навсегда!». Мы ответим: «Нет, нет, нет...».

Великий композитор не ошибся. Своих гениев народ не забывает.

Н. Лунашенко.